

Паломничество (хадж) мусульман Средней Азии до присоединения к Российской империи

The pilgrimage (hajj) of Central Asian Muslims before joining to the Russian Empire

Vladimir Litvinov / ЛИТВИНОВ В.П.

Yelets State University named after I.A. Bunin, Department of History and Historical and Cultural Heritage;
Institute of Strategic Analysis and Forecasting KRSU named after B.N. Yeltsin.
399770, Russian Federation, Lipetsk region, Yelets, St. Kommunarov 28

Email: vladlenli@yandex.ru

DOI: <https://dx.doi.org/10.7160/KS.2024.220103>

Vladimir Petrovich Litvinov, an expert on the historical and anthropological aspects of Islamic pilgrimage, particularly in Central Asia during the Tsarist era, holds the title of Doctor of Historical Sciences and is a professor. His academic endeavours are based on the study of religious practices within the complex socio-political landscape of Tsarist Russia, with significant contributions to the fields of Oriental Studies and Religious Studies. His research, culminating in seminal dissertations on Muslim pilgrimage, has enriched academic discourse on the interplay between state policy and religious rites. Litvinov's teaching activities cover a wide range of subjects, including history, the history of world religions, and inter-ethnic and inter-religious relations, making him a key figure in his field.

Литвинов Владимир Петрович - Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия; старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза КРСУ им. Б.Н. Ельцина. Адрес: 399770, Российская Федерация, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, Телефон: 89009856612

Abstract

This study examines the pilgrimage practices of Central Asian Muslims to Mecca before the region became part of the Russian Empire and shows that despite the importance of the Hajj in Islam, participation from this area was limited. The analysis outlines the various barriers to making the pilgrimage, such as the strict Sharia requirements that many could not meet, the financial and logistical challenges involved, and the fear of the dangers associated with the journey. In addition, social and family obligations prevented a significant number of Muslims from making the Hajj, leading to a preference for local pilgrimage sites in Central Asia as an alternative. The research also examines the socio-political implications of the hajj for Central Asian Muslims, including the different routes taken to reach Mecca and the role of socio-economic status in facilitating or hindering the pilgrimage. Through this examination, the article sheds light on the complex interplay of religion, culture and politics in the practice of hajj among Central Asian Muslims prior to Russian annexation.

Keywords

Central Asia, Hajj, pilgrimage, Mecca and Medina, pilgrimage routes.

Аннотация

В статье рассматривается проблема паломничества мусульман Средней Азии до ее присоединения к России. Автор отмечает, что паломничество (хадж) в Мекку мусульман региона был постоянным, однако немногочисленным, поскольку большинство людей были не в состоянии выполнить все шариатские условия хаджа. Многие боялись совершать хадж из-за опасностей, с которыми он был сопряжен. Значительное число мусульман не хотели надолго отрываться от хозяйства и семьи. Автор отдельным образом рассматривает основные пути паломничества мусульман региона в Хиджаз.

Ключевые слова

Средняя Азия, хадж, паломничество, Мекка и Медина, пути паломничества.

Введение

Паломничество к святым местам как явление человеческой истории характерно для всех религиозных систем. Однако, пожалуй, только в исламе паломничество (хадж) является обязательным установлением этой религии. Хадж в его каноническом выражении является паломничеством в строго установленное время в Мекку и Медину, хотя последняя, согласно установлениям шариата, не включена в число объектов официального такового. При этом важно отметить, что паломничество в исламе в более широком смысле этого явления, также весьма распространено в регионах, где ислам является господствующей религией, в том числе и рассматриваемой здесь Средней Азии. Во-первых, к числу объектов мусульманского паломничества, хотя и не слишком многочисленного, относится Иерусалим. Во-вторых, мусульмане Средней Азии не были однородны в конфессиональном отношении. Кроме подавляющего большинства мусульман-суннитов в регионе всегда проживали мусульмане-шииты, которые, как известно, кроме Мекки и Медины совершали паломничество к своим священным местам – Мешхед и Кум (сов. Иран), Неджеф и Кербела (сов. Ирак). В-третьих, в Средней Азии имелись свои религиозные центры, издавна являвшимися объектами поклонения местных мусульман. Они могли иметь общерегиональное или локальное значение, но в любом случае, они издавна были центрами многолюдного паломничества мусульман Средней Азии. Некоторые из них привлекали паломников из других мусульманских регионов. Данная паломническая практика получила в исламе название - «зиярат» (زيارة — посещение). В связи с этим всегда важно различать канонический хадж и паломничество в более широком смысле. Мы в данной статье сосредоточили свое внимание именно на хадже мусульман Средней Азии.

Социально-политический аспект хаджа мусульман Средней Азии

Можно с уверенностью утверждать, что ни в одном из мусульманских регионов мира число паломников, совершивших хадж в Мекку никогда не было значительным. До развития транспортной инфраструктуры в XX в. в большинстве из этих регионов количество людей, совершивших обряды хаджа было ничтожно мало. Пожалуй, только жители Центральной Аравии имели в этом плане приоритетные возможности. Кроме того, особенно проблематичным было совершение хаджа при отсутствии для этого необходимых, предусмотренных шариатом, средств и условий. Особенно проблемным в этом смысле был хадж для мусульманок, для которых кроме обстоятельств, связанных с семейными и хозяйственными заботами сам процесс совершения паломничества обуславливался целым рядом ограничивающих установлений шариата. Таким образом, вполне естественным явлением было то, что количество паломников, совершивших хадж в том или ином мусульманском регионе планеты напрямую зависело от удаленности его от Мекки. Что касается Средней Азии, то данный регион тоже находился на значительном отдалении от главной мусульманской святыни. Каждый из трех основных исторически сложившихся маршрутов из Средней Азии в Мекку насчитывал ни одну тысячу километров. Понятно, что отправиться в Хиджаз мог позволить себе далеко не каждый житель региона, тем более, если учитывать не только удаленность, но финансовый и правовой аспект данной проблемы, согласно которому шариат «запрещает совершать хадж бедным»¹. А беднота во все времена составляла подавляющее большинство населения этого региона. Это – во-первых. Во-вторых, хадж из Средней Азии в Мекку в минувшие столетия был сопряжен с многими опасностями. Наконец, в-третьих, значительное число потенциальных паломников в Мекку отвлекала идея «компенсационного хаджа», которая была весьма распространена в Средней Азии. Суть этой идеи состояла в том, что троекратное паломничество к знаменитым региональным святыням заменяло хадж в Мекку. Например, человек совершавший паломничества к Сулейман-горе в г. Ош или гробнице Бахаэтдина Накшбанда близ Бухары признавался «хаджи». Российский исследователь, большой знаток Средней Азии В.П. Наливкин

¹ КЕРИМОВ, Г.М. *Шариат и его социальная сущность*. М: Наука, 1978. (223 с.) С. 67.

утверждал, что в Средней Азии «человек совершивший паломничество в Мекку был большой редкостью».²

При всем вышесказанном, следует признать, что хадж в том или ином численном выражении в Средней Азии был всегда. При этом было бы ошибкой утверждать, что среди «хаджи» преобладали люди богатые и обремененные властью. Конечно, купцы, торговавшие со странами Ближнего и Среднего Востока, посещали Мекку, совмещая «приятное» (религиозное) с «полезным» (торговым). Однако для всех остальных это было весьма затратным как финансовом, так и в плане затрат времени, поскольку подобное религиозное путешествие могло продлиться не один год.

Не спешили прикоснуться к святому и власть имущие в Средней Азии. Это, конечно же, можно отнести на счет личных умозрительных заключений автора. Однако, крупнейший российский ученый, чей научный авторитет является безусловным, академик В.В. Бартольд, писал, что как в мусульманского мире вообще, так и в Средней Азии, в частности, «для мусульманского государя предпринять паломничество в Мекку было равносильно отказу от престола»³. Как отмечают многие источники, последним крупным мусульманским правителем, совершившим хадж, был багдадский халиф Гарун ар-Рашид (786–809). Среди мусульманских правителей Средней Азии таких примеров мы вовсе не находим, ибо они не отражены ни в одном из источников. История Средней Азии знала пример хаджа, совершенного ханом, однако, только бывшим, то есть фактически уже не имевшим никакой власти, в связи с чем, отправляясь в Мекку ему нечего было терять в плане своих властных прерогатив. Это случилось в XVII в. в Бухарском ханстве, где правитель из династии Аштарханидов Абдул Азиз-хан (1645–1680) в 1680 г. отрекся от престола в пользу своего брата Субхан-Кули (1680–1702). После этого в последние годы жизни он предпринял паломничество в Мекку⁴. В средневековом источнике «Кабус-намэ» («Книга назидания»), относящемся к XI в., рассказывает о паломничестве правителя Бухары. Но правитель города не был правителем государства, хотя и для него оставить власть на полтора-два года в чужих, пусть даже надежных руках, было, несомненно, определенного рода подвигом.

Самые разные источники свидетельствуют о том, что до середины XIX в. среди паломников в Мекку преобладали «легкие на подъем», странствующие суфии-дервиши.

² НАЛИВКИН, В.П. *Туземец раньше и теперь*. Ташкент: А.Л. Кирснер, 1913. (144 с.) С. 68.

³ БАРТОЛЬД, В.В. *Халиф и султан*. Соч. в 9 тт. Т.6. М.: Наука, 1966 (785 с.) С. 26.

⁴ НАСТИЧ, В.Н. *Мусульманская эпиграфика Ферганы и Семиречья: Памятники арабского письма XI–XVII вв. на территории Кыргызстана. Исторические исследования*. СПб. РГПУ 2019г. (434 с.) С. 293.

Они присоединялись к торговым караванам и шли вместе с ними, добывая себе пропитание попрошайничеством, переноской и охраной грузов, нанимаясь в услужение к богатым «пассажирам» - купцам, дипломатам, паломникам и др. Часто дервиши добирались до Мекки «транзитом», меняя по пути несколько караванов, шедших по другим адресам. Среди паломников в Мекку было немало и просто тянувшихся к дальним странствиям людей, желавших повидать мир – как говорят, посмотреть на людей и себя показать. Чаще всего это были молодые люди, не обремененные семьей, хозяйством, службой и т.д. Некоторые из них не возвращались на родину, оставаясь в Хиджазе для изучения богословия и права (шариата) или же отправляясь еще далее в поисках приключений и более интересной жизни. В середине XVII в. в Йемене жил выдающийся ученый, поэт и дипломат аль-Хасан ибн Ахмад аль-Хайми аль-Кавкабани, возглавлявший йеменское посольство в Эфиопию, о котором он оставил любопытное сочинение под названием «Сад для взора и веселья мыслей о диковинках путешествия». В нем он, в частности, описывал свою встречу с придворным эфиопского императора, выходцем из Бухары – Мухаммедом ибн Мусой аль-Бухари, который в молодости совершил хадж в Мекку, после чего перебрался в Эфиопию, где принял христианство и стал приближенным властителя страны.⁵

Хадж мусульман Средней Азии в значительной мере был интенсифицирован Тимуром, который сделал ислам государственной религией. Известно, сам Тимур до самой смерти оставался язычником, в связи с чем даже был похоронен своими военачальниками по «языческому» обряду, что позже пришлось исправлять его сыну – Шахруху – благочестивому мусульманину. Однако, как политик, выдающийся полководец и государственный деятель Тимур не мог не понимать политического значения ислама в становлении своей государственности, его роли и места в таковой. Естественно, что он не мог не понимать и значение Мекки в исламе. Поэтому Тимур проявлял к последней большой интерес. Когда в 1370 г. потомок Пророка – сейид Береке преподнес Тамерлану привезенные ему из Мекки знамя и барабан, «железный хромец» придал этому событию огромную важность и широкую известность. Академик В.В. Бартольд писал по этому поводу: «Один из наиболее умных и образованных сподвижников Тимура, вернувшись из паломничества в Мекку (1376–1378 гг.) доставил

⁵ КОБИЦАНОВ, Ю.М. Сосна и пальма: В кн. *Африка: встречи цивилизаций*. М.: Мысль, 1970 (418 с.) С. 275.

Тимуру необходимые сведения об Ираке».⁶ Таким образом, хадж в Мекку использовался Тимуром как один из каналов элементарного шпионажа. Тенденцию на политический союз с Меккой как центром ислама продолжили его потомки. Сын Тимура – Мираншах и его отпрыск Абу-Бекр (внук Тимура) в 1405 г. направили за свой счет в Мекку многочисленный караван паломников, а также богатые дары шерифам Мекки – хранителям Каабы и родственникам Пророка. Другой сын Тимура – Шахрух добивался от египетского правителя, под властью которого тогда находилась Мекка и Медина, разрешение прислать кисву для Каабы, но получил его далеко не сразу, а лишь после соответствующих политических «маневров». Следует отметить, что все мусульманские правители Средней Азии в последующие периоды старались поддерживать контакты с Меккой и Мединой, особенно после того, как в XVI в. «аль-харамейн» перешли под власть турецких султанов, принявших на себя титул «халифов правоверных». Однако до конца XVI в. паломничество мусульман Средней Азии в Мекку было затруднительным, поскольку вокруг границ региона была нестабильная политическая обстановка, усугублявшаяся явно недружелюбным отношением правителей шиитской Персии к проходу туркестанских паломников-суннитов через ее территорию по пути в Мекку. Но в конце XVI в. турки утвердились на Кавказе, а узбекские ханы Средней Азии взяли под контроль Хорасан, местность, примыкавшую к границам Туркестана. В.В. Бартольд в связи с этим писал, что вследствие этого «мусульмане ... могли теперь предпринимать паломничество в Мекку из Туркестана, не проходя через шиитскую Персию».⁷

Основные пути паломничества мусульман Средней Азии

Трудно сказать, на какой период распространялся отказ среднеазиатских паломников от прохода по «персидскому пути», но точно известно, что этот путь сохранялся и в последующем и выступал даже как главный из трех основных путей паломничества из Средней Азии в Мекку. Шествие по ПЕРВОМУ - «персидскому пути» среднеазиатскими паломниками начинался с Северной Персии – узлового пункта Керманшаха. Отсюда он направлялся через Махадеит, Гарун-абад, Керинц, Серипуль и Кафи-Шарин в пограничный с Турцией город Ханекин. Далее паломники направлялись через Шахребан и Бакубу к Багдаду, где группировались в ближайшей от него местности Казмеин. И уже

⁶ БАРТОЛЬД, В.В. Народное движение в Самарканде в 1365 году. Соч. в 9 тт., Т. 2 М.: Наука, 1964 (1020 с.) С. 367 в сноске.

⁷ БАРТОЛЬД, В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира (курс лекций) Соч. в 9 тт, Т. 2. – Ч. 1. М.: Наука 1963 – с. 754.

потом брали путь на Мекку. Из Багдада было два основных пути в Мекку: первый – от Багдада до Кербелы, затем Эн-Неджеф, Эш-Шабаку, потом пересекалась юго-восточная часть пустыни Большой Нефуд и через Хаиль, Хулайфу, Фануду в Медину и Мекку; второй – из Багдада в Дамаск, потом Дерийю, Амман, Табук, Калчат эль Ахдар, Мадаин-Салах, Истабль-Антар и отсюда в Хиджаз (Мекку и Медину). Понятно, что оба этих пути были сухопутными. Однако из Багдада был путь на Бомбей, откуда паломники отправлялись в Хиджаз морским путем, о котором подробнее мы выскажемся ниже.

Естественно, что со временем изменилось и политическое настроение прагматических персов по отношению к паломникам-суннитам, шествующим в Хиджаз из суннитской Средней Азии. Более того, в шиитском Иране, по свидетельству многих современников, туркестанских паломников не обижали и даже оказывали им необходимое содействие в тех случаях, когда оно было им потребно. Обычно это объясняли тем, что персы не обижали «зуввара» (перс.: «паломник») потому, что это считалось грехом. Мы полагаем, что это обстоятельство не было главным. Безусловно, играли свою роль политические соображения (контакты с суннитскими правителями ханств Средней Азии), но основными были, конечно, финансовые интересы – паломники оставляли по пути в Мекку в Персии немалые денежные средства. «Персидский путь» был сложен больше даже не по политическим причинам, а по природно-климатическим, эпидемическим и «грабительским». Дело в том, что «персидский путь» выводил среднеазиатских паломников на границы аравийских провинций Шаммар и Джебель, известных своими жгучими песками, ветрами, часто вспыхивающими эпидемическими заболеваниями и разбойничьими нападениями кочевников-бедуинов, кормящихся от разбоя и грабежа. Но часто бедуины ограничивались лишь получением от паломников установленного ими выкупа за свободный проход по своим территориям. Несмотря на все сложности «персидского пути», до середины XIX столетия им пользовались, по нашим подсчетам, около 15–20% среднеазиатских паломников, шествовавших в Мекку, что объяснялось прежде всего тем, что этот путь был заметно короче других по своей продолжительности. Поэтому те, кто хотел сэкономить время хаджа, шли ради этого на определенный риск, пользуясь «персидской трассой». Следует отметить, что чаще всего «персидским путем» пользовались паломники их тех районов Хивинского ханства, которые непосредственно граничили с Персией.

ВТОРОЙ путь паломников в Мекку начинался преимущественно из крупных городов региона (Самарканда, Коканда, Ташкента и др.), где они группировались, после

чего брали курс на Бухару. В этом городе группы паломников вливались в торговые караваны и вместе с ними шли на Афганистан – в города Мазар-Шариф, Кабул и Пешавар. Отсюда паломники направлялись в Бомбей, где садились корабли и морем добирались до портов Джидда и Янбо (Ямбо), служивших своеобразными гаванями для главных святынь ислама – городов Мекка и Медина, куда «хаджи» шествовали, согласно предписаниям шариата, пешком.⁸

О МОРСКОМ ПУТИ хаджа нам хотелось бы рассказать подробнее, поскольку, во-первых, он было освоен мусульманами всех стран мира фактически изначально, то есть с первого века возникновения ислама, а, во-вторых, морским путем хаджа пользовались многие среднеазиатские паломники, особенно наиболее состоятельные. Если о паломничестве мусульман в Мекку нашей историографией было написано не очень много (и по преимуществу авторами-мусульманами), то о морском пути хаджа, вообще, почти ничего не написано, хотя, как мы указывали выше, он был давно освоен паломниками-мусульманами, в том числе и из Средней Азии.

Мы полагаем, что это в известной мере объясняется стереотипами представлений об арабах Аравии (родины ислама) как о «сухопутном» народе. Такие стереотипы существуют и относительно других стран, при чем они часто бывают небезосновательными. Например, жителей Апеннинского полуострова – итальянцев, окруженных очень длинной береговой линией, трудно назвать «нацией моряков», как, скажем, англичан. Итальянцы предпочитали заниматься земледелием, хотя и дали миру выдающихся моряков (того же Колумба), поскольку многие города Италии (особенно Венеция и Генуя) были «морскими» торговыми республиками, занятые в международной торговле на Востоке. С арабами получилось то же самое. Почему? А потому, что кочевые арабы Аравии (особенно Центральной) предпочитали морю сушу. Торговые караваны арабов шли по издавна известным и проверенным сухопутным путям. Доминик Сурдель пишет, что во времена упадка Химьяритского царства (конец IV в. н.э.), Мекка, которую могущественный клан курейшитов превратил в «торговую республику», унаследовали торговые пути, пролегающие между Индийским океаном и Средиземноморьем, став отправным пунктом регулярных караванов».⁹ Коль скоро он

⁸ ЛИТВИНОВ, В.П. Основные пути паломничества мусульман Туркестана. Сб.: Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сборник тезисов и материалов. Елец, 1999. (с. 27–32) С. 29.

⁹ СУРДЕЛЬ, Доминик. Ислам. М.: АСТ, 2004. (156 с.) с. 7.

пишет о «караванах», то, надо полагать, что он имеет в виду сухопутную торговлю арабов.

Однако, арабы издавна были отличными моряками. Т.А. Шумовский писал в своей книге «Арабы и море» о том, что «Столетие за столетием показали, на какую давнюю традицию опирается искусство мореплавания у арабов, сколь широким был еще на заре новой эры географический размах арабских «хождений за море», до какой степени высок был технический уровень судовождения на кораблях, ведомых сынами знойных аравийских пустынь».¹⁰ Иной точки зрения придерживался И.П. Магидович, который писал, что арабское судоходство началось с принятия ислама, однако при этом он все же признает, что «еще в древности (до появления ислама – В.Л.) арабы играли большую роль в торговле страны, прилегающих к Индийскому океану».¹¹

Как известно, ислам возник в среде арабов Центральной Аравии, образ жизни которых был исключительно «сухопутным». Поэтому учитывая боязнь воды кочевыми арабами пустыни, моряками набирали привычных к водной стихии: исламизированных греков, сирийцев, коптов и др. Кстати, именно копты были главными кораблестроителями у арабов. В последующем арабский флот в Халифате усиливался при Омейядах (661–750) и при Аббасидах (750–1258). Хороший флот был у арабской династии Фатимидов в Египте и у арабской династии Омейядов в Испании. Таким образом, арабы в средневековье контролировали многие морские пути. Академик А.Ф. Трешников справедливо отмечал, что «европейские мореплаватели в XV в. во многих отношениях были учениками арабских капитанов. Португальские мореплаватели использовали опыт арабских судостроителей и создали новый тип каравеллы... Все это в конечном счете способствовало успешным географическим открытиям португальцев».¹² Достаточно напомнить, что лоцманом у Васко де Гамы был араб Ахмад ибн Маджид. Д. Р. Хайрутдинов отмечает, что «Многие европейские слова, относящиеся к морскому делу и давно прочно вошедшие в интернациональное употребление, имеют арабские корни».¹³ Автор приводит целый список арабских слов, которые перекочевали в европейские языки, в частности, такие как: адмирал (амир-аль бахр), шаланда и галера (типы судов у арабов), арсенал (дар-ас-сина), баржа (бариджа), кабель (хабль) и проч.

¹⁰ ШУМОВСКИЙ Т.А. Арабы и море. М.: Наука, 1964 (192 с.) С. 182.

¹¹ МАГИДОВИЧ И.П. Очерки истории географических открытий – М.: Просвещение, 1967 (865 с.) С. 50.

¹² Трешников А.Ф. Предисловие к книге: ШУМОВСКИЙ Т.А. По следам Синдбада Морехода. М.: Мысль, 1986 (138 с.) С. 3.

¹³ ХАЙРУТДИНОВ Д.Р. Морская лексика в арабской средневековой литературе и картографии. Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150, кн. 6., 2008 (сс. 202-207) С. 204.

Кто-то может сказать: все это интересно, но какое это имеет отношение к хаджу в Мекку? Ответим: самое непосредственное. Выше мы упоминали о том, что хадж паломников из Средней Азии морским путем начинался в индийском Бомбее. А ведь именно с Индией, которую арабы считали «страной сказочных чудес», шла у них весьма интенсивная торговля, в том числе и морская. Бомбей для арабов (и не только для них) «морскими воротами» Индии. Корабли из Бомбея при попутном ветре быстро достигали крупного и богатого порта Ормузда (Хурмуза) на юге Персидского залива, откуда шли на Аден и, огибая его, оказывались в Красном море, в Хиджазе – в портах Джидда и Янбо (Ямбо), откуда до Мекки было «рукой подать». Безусловно, последняя утратила роль крупнейшего торгового центра, которую она играла до ислама, и стала крупнейшим религиозным центром, но все же даже при этом она сохранила свои торговые занятия.¹⁴ Поэтому она не могла не иметь связей с вышеуказанными портами, особенно с Джиддой. И именно этим исторически сложившимися активно пользовались паломники. По отзывам многих арабских путешественников средневековья, на каждом корабле идущем из Бомбея в Аравию непременно находились группы паломников, численность которых была разной и зависела от времени. Конечно, в месяц официального хаджа численность «морских» паломников возрастала – соответственно, увеличивалась и плата за проезд. Поэтому морской путь хаджа был доступен преимущественно состоятельным паломникам из Средней Азии, зато он был более быстрым, менее утомительным, чем сухопутный, и, разумеется, менее опасным, хотя пиратские грабежи имели нередко место и в Индийском океане. Но паломники от них в материальном плане страдали мало – пиратов интересовали прежде всего перевозимые судами товары, а не люди. О морском пути из Индии в Аравию писал в своей известной «Акбаровской книге» (1595 г.) Абул Фазл Аллами (1551–1602 - придворный индийского императора Акбара из династии Великих Моголов и его личный друг. Он, в частности, упоминал и о паломниках, добравшихся из Бомбея в Хиджаз. О водном пути в Мекку упоминает и Д. Сурдель, указывая, что «некоторые (паломники – В.Л.) добирались морем, прибывая на берег Красного моря в Джидду».¹⁵ О том же писал и А. Мец, указывающий, однако, что путь паломников к Джидде по Красному морю был весьма непрост: «Красного моря опасались из-за его рифов и противных ветров. Плыть по нему можно было лишь днем».¹⁶ Кстати, именно

¹⁴ Народы мира. Этнографические очерки. Народы Передней Азии. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1957 (615 с.) С. 379.

¹⁵ СУРДЕЛЬ, Доминик. Ислам. М.: АСТ, 2004. (156 с.) С. 66.

¹⁶ МЕЦ, А. Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1973 (458 с.) С. 59.

морским путем совершил хадж в начале 1680-х гг. уже упоминаемый нами в этой статье «отставной» бухарский эмир Абдул Азиз-хан из династии Аштарханидов. Он решил и возвращаться домой тем же путем, но умер в йеменском порту Мохе. С постройкой железных дорог в Средней Азии паломники стали интенсивнее использовать ТРЕТИЙ путь хаджа – тоже морской путь в Мекку, но не через Бомбей, а российские порты Черного моря, куда они прибывали поездами. Однако, для нас в данном случае важно не изменение направления «морского» хаджа, а то, что он не только не утратил своего значения, но и напротив, стал более многочисленным. Учитывая, то, что для паломников-мусульман хадж из Средней Азии в это время начинался с железной дороги, то мы бы назвали ТРЕТИЙ путь – «железнодорожно-пароходным» или «транспортным».

Второй путь был более долгим, трудным и долгим. Однако он позволял обойти многие нежелательные препоны: произвол турецких властей, обиравших туркестанских паломников без зазрений совести, наиболее опасные эпидемические места, грабителей из аравийских «песчаных карьеров» и др. Самым сложным отрезком пути был территория Афганистана, на которой паломники страдали не столько от местных властей, сколько от не подчинявшихся никакой власти афганских кочевых племен, не гнушавшихся разбоем по отношению к среднеазиатским пилигримам. Однако, часто, подобно аравийским бедуинам, они ограничивались собором с паломников установленной дани за проход через подконтрольные им места. Как бы там ни было, этот путь ежегодно использовали не менее двух третей от общего числа среднеазиатских паломников.

Кроме указанных паломнических маршрутов из Средней Азии в Мекку, существовали и другие. Например, часть паломников, переправившихся через Каспийское море (или обойдя его с юга), шла по территории Кавказа до Стамбула, откуда на турецких судах добиралась до вышеуказанных портов Хиджаза. По этому пути в Мекку шли сплоченные группы, способные дать отпор горцам Кавказа, имевших те же устремления, что и их аравийские или афганские «собратья»-грабители. Среди тех, кто шел «стамбульским» путем, было много тех, кто на пути в Мекку останавливались на длительное время в Стамбуле чаще всего для учебы в местных медресе и полусветских учебных заведениях. Из их числа спецслужбы Османской империи вербовали немало агентов, которых отправляли в Мекку, где они, совершив хадж, потом растворялись в паломнических толпах земляков-туркестанцев и возвращались домой с теми или иными заданиями турецкой разведки.

Нам приходилось уже писать еще об одном пути туркестанских паломников – через Памиро-Алай.¹⁷ Он был, конечно, непростым, но сокращал время движение к цели. По нему шло незначительное число паломников, а поэтому относили его к числу «нетрадиционных» путей хаджа из Средней Азии. Чтобы у никого не было сомнений насчет «нетрадиционного» пути хаджа через Памир, сошлемся на британского лорда Дунмора, путешествовавшего по Туркестану в конце XIX в. и оставившего солидное и ценное в научном отношении двухтомное сочинение о своем анабазисе в этом регионе. Он писал, что на Рождество в 1892 г. он встретил на Памире трех мусульман из Русского Туркестана, которые сообщили ему, что они направляются таким путем в хадж. По свидетельству Дунмора, они намеривались двинуться потом на Кабул, а оттуда до Пешавара, где начиналась железная дорога на Бомбей, из которого они планировали морем добираться до Хиджаза.¹⁸ Безусловно, это был также непростой путь и им можно было использоваться только несколько месяцев году, так как перевалы на подступах к Памиру рано заметало снегом, который держался до поздней весны. Но факт остается фактом такой путь хаджа из Туркестана в Мекку тоже существовал и это можно считать доказанным.

Еще до присоединения Средней Азии к России мусульмане «облюбовали» новый путь паломничества (хаджа) в Мекку, который можно назвать «РУССКИМ». Путь через порты России на Черном море в Хиджаз был и более скорым, и более надежным. Не было тогда только железных дорог, связывающих Среднюю Азию с Россией. Реальное освоение этого пути мусульманами паломниками из Туркестана, по нашему мнению, началось еще на рубеже XVIII–XIX вв., когда фактически завершилось вхождение в состав России большей части, так называемой «Киргизской» (читай Казахской) Степи. Мусульмане Туркестана знали хорошо не только Степь, но и пограничные русские города – Оренбург, Орск, Троицк и др. По торговым целям они нередко проникали и в так называемые «внутренние» губернии России (ее Европейской части). Таким образом, с географией страны многие мусульмане Туркестана были знакомы неплохо. Естественно, что знали они неплохо и систему российских путей сообщения всех видов

¹⁷ ЛИТВИНОВ, Вл. П., ЛИТВИНОВ, Вяч. П. Дорога на «Крышу мира» (к вопросу о нетрадиционных путях хаджа в Туркестане) Сб: Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы V Всероссийской научно-патриотической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 25 апреля 2003 г. М.: РУДН 2003 С. 124–131.

¹⁸ DUNMORE, Alexander Edward Murray. *The Pamirs: Being a Narrative of Year's Expedition on Horseback and on Foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary, and Russian Central Asia. By the Earl of Dunmore. With Maps and Illustrations. In 2 Vols.* London: John Murray, 1893. Vol. 2, p. 265.

– наземных и водных. Тем более, что ими пользовались российские мусульмане с Поволжья и Кавказа. Еще до появления в России железных дорог мусульмане Туркестана использовали эти пути для хаджа в Мекку, поскольку они считались наиболее безопасными из всех имеющихся паломнических маршрутов из Средней Азии в Хиджаз. Для этого они относительно быстро достигали портов России на Черном море, откуда отплывали на российских или зарубежных судах в гавани Хиджаза. По сравнению с вышеуказанными нами сухопутными путями паломничества в Мекку, российский путь обеспечивал достижение благословенных берегов родины ислама – Аравии в среднем в три раза быстрее. Понятно, что те, кто имел деньги и ценил свое время, охотно использовали этот путь хаджа. В царствование императора Александра I (1801–1825) существовали достаточно либеральные порядки по отношению ко всем туркестанцам, в том числе, разумеется, и к совершающим паломничество (хадж) в Мекку через территорию России. Однако бесконтрольный наплыв «транзитных» пассажиров-мусульман, пробирающихся в Мекку через Россию, стал беспокоить царское правительство и для регулирования всех отношений со Средней Азией император Александр I в 1819 г. создал, так называемый «Азиатский комитет», который работал в тесном контакте с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел России до 1850 г., он был распущен указом императора Николая I (1825-1855). Тесный контакт двух учреждений объясняется просто – их возглавлял один и тот же человек – Директор Азиатского департамента МИД России. Вплотную проблемами «транзитных» мусульманских паломников стали заниматься уже при Николае I, который требовал ужесточить отношение правительственных властей к ним. В результате, Азиатский Комитет разработал последовательно два специальных правительственных «Положения», которые были «Высочайше» утверждены (императором) 15 марта 1832 г. и 5 декабря 1834 г. Этими «Положениями» было «воспрещено всех заграничных Азиатцев из стран Средней Азии (в том числе Дервишей), идущих на поклонение в Мекку, пропускать через внутренние губернии». Подчеркивалось, что «цель сих постановлений состоит в том, дабы пресечь связь их с нашими подданными (мусульманами – В.Л.), которые из опыта оказались вредными».¹⁹ Царские власти были обеспокоены тем, что туркестанские паломники – дервиши, по пути в Мекку, делали длительные остановки в местах компактного проживания российских мусульман, где проводили

¹⁹ АРАПОВ, Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М: ИКЦ «Академкнига» 2001. (366 с.) С. 119.

антиправительственную, антихристианскую и антирусскую пропаганду. Понятно, что тут не обходилось без Османской Турции, до этого серьезно побитой Россией. Естественно, что такого рода «пропагаторов» царская полиция задерживала и препровождала под конвоем до границ России со Средней Азией. «Положение» Азиатского Комитета от 15 марта 1832 г. обязывало Оренбургского военного губернатора, генерал-адъютанта, графа П.П. Сухтелена «известить, чрез начальников караванов, всех Азиатцев, желающих следовать с оными на линию (Оренбургскую – В.Л.), дабы пройти через Россию в Мекку, чего сего позволения не будет» [19]. «Положение» Азиатского Комитета от 5 декабря 1834 г. обязывало запретить пропуск мусульман Туркестана, желающих проехать в Мекку через российскую территорию, военного губернатора Астраханской губернии и генерал-губернатора Западной Сибири. 18 февраля 1836 г. император Николай I «высочайше» утвердил «Положение Комитета Министров», в котором подчеркивалось необходимость ужесточить исполнение вышеуказанных «Положений» Азиатского Комитета» о категорическом запрещении мусульманам-паломникам из Средней Азии проезжать через территорию России для совершения паломничества (хаджа) в Мекку. Одновременно «Положение» 18 февраля 1836 г. категорически запрещало принимать таких «азиатцев» в российское подданство. Естественно, что движение туркестанских паломников в Мекку через российские земли на какое-то время прекратилось. Однако мы пишем об этом не просто для констатации такого факта, а с тем, чтобы показать, что проезд среднеазиатских паломников в Мекку через российскую территорию, ставший законно возможным после присоединения Средней Азии к России в 1860-х гг., не был чем-то новым для них, и имел известный опыт и традиции, которые облегчали новым поколениям паломников Средней Азии проезжать в Мекку по территории России, ранее запрещенной для их предков, в качестве полноправных граждан это же страны со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Заключение

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что до присоединения Средней Азии (кроме Бухарского и Хивинского ханств) к России в 1860-е гг. паломничество (хадж) в Мекку был постоянным, но малочисленным, поскольку большинство людей был не в состоянии выполнить все шариатские условия хаджа (особенно в части наличия достаточных средств для его совершения и содержания семьи на время отсутствия). Многие боялись совершать хадж из-за опасностей, с которыми он был сопряжен.

Значительное число мусульман не хотело надолго отрываться от хозяйства и семьи. Таким образом, причин, которые препятствовали людям выполнить один из важнейших заветов Пророка, было немало. Но все же ежегодно находились люди, которые невзирая на все сложности, решались на совершение паломничества в Мекку и Медину и уходили неизведанные края.

Список литературы

- АРАПОВ, Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М: ИКЦ «Академкнига» 2001. (366 с.) С. 119.
- БАРТОЛЬД, В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира (курс лекций) Соч. в 9 тт, Т. 2. – Ч. 1. М.: Наука 1963 – с. 754.
- БАРТОЛЬД, В.В. Народное движение в Самарканде в 1365 году. Соч. в 9 тт., Т. 2 М.: Наука, 1964 (1020 с.) С. 367 в сноске.
- БАРТОЛЬД, В.В. Халиф и султан. Соч. в 9 тт. Т.6. М.: Наука, 1966 (785 с.) С. 26.
- КЕРИМОВ, Г.М. Шариат и его социальная сущность. М: Наука, 1978. (223 с.) С. 67.
- КОБИЩАНОВ, Ю.М. Сосна и пальма: В кн. Африка: встречи цивилизаций. М.: Мысль, 1970 (418 с.) С. 275.
- ЛИТВИНОВ, В.П. Основные пути паломничества мусульман Туркестана. Сб.: Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сборник тезисов и материалов. Елец, 1999. (сс. 27–32) С. 29.
- ЛИТВИНОВ, Вл. П., ЛИТВИНОВ, Вяч. П. Дорога на «Крышу мира» (к вопросу о нетрадиционных путях хаджа в Туркестане) Сб: Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы V Всероссийской научно-патриотической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 25 апреля 2003 г. М.: РУДН 2003 С. 124–131.
- МАГИДОВИЧ И.П. Очерки истории географических открытий – М.: Просвещение, 1967 (865 с.) С. 50.
- МЕЦ, А. Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1973 (458 с.) С. 59.
- НАЛИВКИН, В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: А.Л. Кирснер, 1913. (144 с.) С. 68.
- Народы мира. Этнографические очерки. Народы Передней Азии. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1957 (615 с.) С. 379.
- НАСТИЧ, В.Н. Мусульманская эпиграфика Ферганы и Семиречья: Памятники арабского письма XI–XVII вв. на территории Кыргызстана. Исторические исследования. СПб. РГПУ 2019г. (434с.) С.293.
- СУРДЕЛЬ, Доминик. Ислам. М.: АСТ, 2004. (156 с.) С. 7, 66.
- ХАЙРУТДИНОВ Д.Р. Морская лексика в арабской средневековой литературе и картографии. Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150, кн. 6., 2008 (сс. 202–207) С. 204.

ШУМОВСКИЙ Т.А. Арабы и море. М.: Наука, 1964 (192 с.) С. 182.

ШУМОВСКИЙ Т.А. По следам Синдбада Морехода. М.: Мысль, 1986 (138 с.) С. 3.

DUNMORE, Alexander Edward Murray. *The Pamirs: Being a Narrative of Year's Expedition on Horseback and on Foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary, and Russian Central Asia. By the Earl of Dunmore. With Maps and Illustrations. In 2 Vols.* London: John Murray, 1893. Vol. 2, p. 265.

References

- ARAPOV, Dmitriy Yur'evitch. *Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika)*. [Islam in the Russian Empire: (Legislator. acts, descriptions, statistics)] Moscow: IKTs «Akademkniga» 2001.
- BARTOL'D, Vasiliy Vladimirovitch. *Khalif i sultan*. [Khalif and Sultan.] Soch. v 9 tt. T.6. Moscow: Nauka, 1966.
- BARTOL'D, Vasiliy Vladimirovitch. *Mesto Prikaspiyskikh oblastey v istorii musul'manskogo mira (kurs lektsiy...)*. [The place of the Caspian regions in the history of the Muslim world (course of lectures)] Op. in 9 vol., Vol. 2. – Part 1. Moscow: Nauka, 1963.
- BARTOL'D, Vasiliy Vladimirovitch. *Narodnoe dvizhenie v Samarkande v 1365 godu*. [People's movement in Samarkand in 1365.] Op. in 9 vols., vol. 2 Moscow: Nauka, 1964.
- DUNMORE, Alexander Edward Murray. *The Pamirs: Being a Narrative of Year's Expedition on Horseback and on Foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary, and Russian Central Asia. By the Earl of Dunmore. With Maps and Illustrations. In 2 Vols.* London: John Murray, 1893. Vol. 2
- KERIMOV, Gasyim Mamedovitch. *Shariat i ego sotsial'naya sushchnost'*. [Sharia and its social essence.] Moscow: Nauka, 1978.
- KHAYRUTDINOV, Dinar Rafisovitch. *Morskaya leksika v arabskoy srednevekovoy literature i kartografii. Utchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2008, 150.6: 202-207.
- KOBISHCHANOV, Yuriy Mikhaylovitch. *Sosna i pal'ma*. In: *Afrika: vstretchi tsivilizatsiy*. [Pine and palm. In: Africa: Meetings of civilizations]. Moscow: Mysl, 1970.
- LITVINOV, Vladimir Petrovich, LITVINOV, Vyatcheslav. P. (eds.) *Doroga na «Kryshu mira» (k voprosu o netraditsionnykh putyakh khadzha v Turkestane)* Sbornik: *Rossiya: tsivilizatsiya, patriotizm, kul'tura. Materialy V Vserossiyskoy nauchno-patrioticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh utchenykh*. Moskva, 25 aprelya 2003 g. Moskva: RUDN 2003 S. 124–131.
- LITVINOV, Vladimir Petrovich. *Osnovnye puti palomnitchestva musul'man Turkestana. (po arkhivnym materialam)*. [The main ways of pilgrimage of Muslims of Turkestan] *Mezhvuzovskie nauchno-metodicheskie tchteniya pamyati K.F. Kalaydovitcha*. Sbornik nauchnykh trudov. Elets, 1999, 2: 28-30.

- MAGIDOVITCH, I. P. *Otcherki istorii geograficheskikh otkrytiy*. [Essays on the history of geographical discoveries] Moskva: Prosveshchenie, 1967.
- METS, A. *Musul'manskiy Rennans*. Moskva: Nauka, 1973 (458 s.) S. 59.
- NALIVKIN, Vladimir Petrovitch. *Tuzemtsy ran'she i teper'*. [Natives before and now.] Tashkent: A. L. Kirsner, 1913.
- Narody mira. Etnograficheskie otcherki*. Narody Peredney Azii. Moskva: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1957.
- NASTITCH, Vladimir Nilovitch. *Musul'manskaya epigrafika Fergany i Semirech'ya: Pamyatniki arabskogo pis'ma XI-XVII vv. na territorii Kyrgyzstana. Istoricheskie issledovaniya*. [Muslim epigraphy of Ferghana and Semirechye: Monuments of Arabic writing of the XI-XVII centuries on the territory of Kyrgyzstan. Historical research.] SPb.: RGPU, 2019.
- SHUMOVSKII, Teodor Adamovich. *Araby i more: po stranitsam rukopisey i knig*. Moskva: Nauka, 1964.
- SHUMOVSKIY, Teodor Adamovich. *Po sledam Sindbada Morekhoda*. Moskva: Mysl', 1986 (138 s.) S. 3.
- SURDEL', Dominik. *Islam*. Moskva: AST, 2004.